

А. Д. Лебедев, С. А. Черепко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩИН СТАРООБРЯДЦЕВ В БССР В СЕРЕДИНЕ 1960 – КОНЦЕ 1980-Х ГОДОВ

В статье анализируется эволюция положения религиозных общин старообрядцев в БССР в середине 1960-х – конце 1980-х гг. Несмотря на относительно приемлемые условия существования для конфессий, большинство общин староверов в исследуемый период оказались в состоянии кризиса, что проявлялось в сокращении численности зарегистрированных объединений, старении массы верующих, недостатка духовенства, падении доходов церквей. Изменения советской церковной политики в условиях перестройки не привели к сколь-либо заметному оживлению жизнедеятельности старообрядцев БССР.

Во второй половине 1940-х гг., благодаря некоторой либерализации советской конфессиональной политики, старообрядцы получили возможность регистрировать свои религиозные объединения, открывать церкви и молитвенные дома и совершать богослужения. Послевоенные годы были относительно благоприятным периодом для представителей этой конфессии. По данным Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров БССР в 1954 г. в республике было зарегистрировано 29 религиозных обществ старообрядцев. Однако начиная с 1960-х гг. наметилась тенденция к сокращению количества общин староверов. Так, если в 1966 г. в БССР было зарегистрировано 27 объединений, то к 1989 г. их осталось 22 [1, с. 162; 2, с. 302; Таблица 1].

Таблица 1 – Динамика численности зарегистрированных общин старообрядцев в БССР сер. 1960 – 1980-х гг.

	1966 г.	1968 г.	1972 г.	1976 г.	1979 г.	1981 г.	1984 г.	1989 г.
Брестская	-	-	-	-	-	-	-	-
Витебская	16	15	14	14	14	14	14	14
Гомельская	1	1	1	1	1	1	1	1
Гродненская	1	1	1	1	1	-	-	-
Минская	3	3	3	3	3	3	3	3
Могилевская	6	6	6	5	5	5	5	4
Всего:	27	26	25	24	24	23	23	22

[Подсчитано по: НАРБ. Ф. 136. О. 2. Д. 1. Л. 203; Ф. 136. О. 1. Д. 11. Л. 4, 7, 13, 20, 28, 34; Ф. 136. О. 1. Д. 25. Л. 49, 55, 62, 68, 76, 82; Ф. 136. О. 1. Д. 41. Л. 49, 80, 106, 130, 152, 173; Ф. 136. О. 1. Д. 54. Л. 62, 91, 118, 143, 171, 194; Ф. 136. О. 1. Д. 63. Л. 21, 49, 154, 174, 210, 230; Ф. 136. О. 1. Д. 77. Л. 191, 192, 193, 194, 195, 196].

Неравномерным было и размещение общин по областям республики. Наибольшая их концентрация наблюдалась в Витебской области: 16 единиц в 1966 г. На втором месте идет Могилевская область – 6 общин в 1966 г., 3 в Минской и по одной в Гомельской и Гродненской областях. В Брестской области с 1966 г. по 1984 г. не было ни одной зарегистрированной общины. Таким образом основная масса старообрядцев была сконцентрирована на Северо-Востоке и Востоке страны.

1960-е гг. стали переломным моментом в жизни общин старообрядцев. Именно в это время постепенно наблюдаются тревожные симптомы, которые фиксируют как уполномоченные, так и сами носители вероучения. Отчетный доклад о деятельности религиозных объединений в БССР в 1965 г. по этому поводу гласит: «Многие старообрядческие религиозные объединения находятся на грани развала. Активность среди верующих резко снизилась. Церкви посещают небольшое количество стариков и старух» [3, л. 235].

Ситуация на местах была в общем схожей. В том же 1965 г. советские служащие отмечали в отчетной документации тенденцию сокращения численности верующих и, как результат, падение доходов: «Свершенно на грани распада находится религиозная община в г.п. Свирь. Там и в дни религиозных праздников бывает до 10 человек верующих. Денежный сбор в общине слабый, едва хватает на оплату налога и уборщицы. Сам духовный наставник Петров – старик 89 лет, неоднократно говорил, что его церковь очень часто пустует» [3, л. 80, 81]. Непростое финансовое положение имело место быть и в д. Мостище Воложинского района, где «старообрядческая церковь ... находится на стадии затухания. Доход религиозного общества за последние 10 лет снизился в 1,7 раза и составил в прошлом году 265 рублей» [4, л. 180]. В 1981 г. в д. Барановичи Бобруйского района по мнению уполномоченного «религиозное объединение ... по существу распалось». Это проявлялось в том, что «в последнем пасхальном богослужении участвовало 11 престарелых женщин. В воскресные дни молений не бывает» [5, л. 28]. Не лучше была ситуация и в городе Бобруйске, где «из года в год уменьшаются денежные доходы религиозного общества. Из-за нехватки денежных средств оно даже отказалось производить оплату служителю культу. Ежегодно проводятся 1–2 крещения, 5–7 погребений. Из-за преклонного возраста (83 года) духовный наставник Лебедь К. А. уже не в состоянии оказывать активного влияния на церковную жизнь. Несколько раз он ставил вопрос об освобождении, но верующие из-за отсутствия замены, просили его остаться» [6, л. 65–66].

Таким образом, вышеперечисленные факты свидетельствуют не только о демографическом кризисе среди верующих старообрядцев, но и о кадровом голоде среди духовенства. Пытаясь хоть как-то решить последнюю проблему, верующие практиковали приглашение священнослужителей из других городов. Например, в 1981 г. старообрядцы белокриницкого согласия из Витебска добились разрешения, что бы к ним приезжал служить священник из Гомеля [7, л. 55–58; 1, с. 14]. В общем такая практика, когда один служитель культа обслуживал сразу несколько общин была довольно распространенным явлением в рамках советской действительности. Однако конкретно в этом случае обращает на себя внимание расстояние между областными центрами – более 300 км! Невольно возникает вопрос: неужели кадровый голод достиг таких масштабов, что не удалось найти священника поближе?

Куда более драматично обстановка в общинах старообрядцев описана словами самих представителей этой конфессии. Вот, что говорил в 1986 г. уполномоченному старообрядческий наставник М. Ф. Попков из Миорского района: «На нас, стариках и старухах, кончится век нашей церкви. Богослужения проводятся только по большим праздникам, в воскресенье церковь закрыта. Детей и молодежи в церкви почти нет. За последние 5 лет нет ни одного крещения, зато часто погребения. Многие мои прихожане почти не соблюдают постов ...» [4, л. 78]. Обращает на себя внимание не только сложная демографическая обстановка в общине, но и отношение к религиозной традиции. Значит дело не только в сокращении числа верующих, но и в нежелании следовать обычаям предков: ходить в церковь по воскресеньям, соблюдать пост и проч.

Документы 1988 г. лишь дополняют мрачную картину упадка: «Я служу в этом приходе более 20 лет и прекрасно вижу, что наша церковь едва-едва теплится. В церковь ходят одни старики, да и то только по большим праздникам, часто в воскресные дни я молюсь один. После моей смерти не найдется кому вести богослужения. Я не кончал никаких духовных семинарий, был избран прихожанами потому, что разбираюсь в нотной грамоте» [8, л. 63]. Последнее признание духовного наставника свидетельствует о низком образовательном

уровне служителя культа, который, вероятно, только и способен к механическому воспроизведению богослужебных текстов, да исполнению треб верующих.

Наблюдая за деятельностью общин старообрядцев, уполномоченный отмечал, что у них «культовая практика все более упрощается, теряет свою специфику, практически священники не выступают с проповедями» [8, л. 57], «старообрядцы, отличавшиеся в прошлом замкнутостью и консерватизмом, теперь участвуют в общественной жизни, смотрят телевизионные передачи, слушают радио, читают газеты, общаются с иноверцами и атеистами». Анализируя последние строки, можно было бы заподозрить уполномоченного в пристрастности и желании приукрасить картину стремительной атеизации советского общества. Однако высказывания самих верующих в духе «мы теперь почти не отличаемся от православных», не противоречат оценке советского чиновника [5, л. 28]. Таким образом, наблюдается, с одной стороны, размывание идентичности и этно-конфессиональной специфики старообрядцев, а с другой стороны очевидна их постепенная ассимиляция и растворение в советской повседневности.

Кризисные явления прослеживаются не только на примере общин беспоповского толка, но и у староверов белокриницкого согласия. Так, если во второй половине 1950-х гг. в Гомельской Ильинской церкви на крупные праздники собиралось более тысячи прихожан, то в начале 1980-х гг. приходило не более 200 человек. Аналогичная динамика наблюдается и в обрядности. Например, если в 1963 г. в Ильинской церкви крестили 80 младенцев, то в 1973 уже только 26 [1, с. 11, 14].

Едва ли не исключением в этом длинном перечне свидетельств упадка общин староверов является информация Уполномоченного о том, что «к числу стабильных можно отнести религиозное общество в г. Борисове. Здесь за 15 лет доход увеличился в 2,2 раза и составил в 1985 г. 5 474 рубля, количество проданных свечей возросло в 4,8 раза» [4, л. 180].

В конце 1980-х гг. у общин староверов, как и для всех остальных религиозных объединений, появился шанс на восстановление в связи с либерализацией советской конфессиональной политики. Так, в течение 1988, 1989 и первого полугодия 1990 гг. в БССР появилось 290 новых религиозных обществ, в том числе 174 православных, 96 католических, 18 протестантских, 1 старообрядческое и 1 иудейское [9, л. 104, 405]. Как видим из приведенной выше статистики чуда у староверов не произошло. Общая депрессивно-упадническая тенденция, обозначившаяся в еще в 1960-х гг. продолжилась и в новых условиях. В случае с иудеями появление всего лишь одной общины в разгар перестройки можно объяснить, с одной стороны, колоссальными демографическими потерями в ходе геноцида 1941–1944 гг., а с другой, интенсивной миграцией уцелевших евреев из БССР за границу и, как результат, резким сокращением числа потенциальных верующих. Если же говорить о старообрядцах, то ярко выраженных катаклизмов с их участием в исследуемый период не было.

Таким образом, многие старообрядческие объединения как белокриницкого согласия, так и беспоповского толка в середине 1960 – конце 1980-х годов оказались если не на грани исчезновения, то в состоянии глубокого кризиса. Это проявлялось в старении и сокращении численности верующих и духовенства, а также падении доходов религиозных общин. Кроме того, значительная часть потомков староверов, находясь под воздействием официальной светской культуры постепенно ассимилировалась в среде белорусов, утрачивая свою этно-конфессиональную идентичность.

Источники и литература

1. Старообрядцы на Гомельщине (1918–1991 гг.) : док. и материалы / сост.: З. А. Александрович [и др.] ; под. ред. В. П. Пичукова ; редкол.: А. Д. Лебедев [и др.]. — Минск: А.Н. Янушкевич, 2017. – 412 с.

2. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава; Навук.рэд. У. І. Навіцкі. – Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 136. – Оп. 2. – Д. 1. 4. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 89.
5. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1 Д. 66.
6. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1 – Д. 88.
7. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 63.
8. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 97.
9. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1 – Д. 108.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ